

МОРЕ ХРАНИТ ТАЙНЫ.
НО НЕКОТОРЫЕ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ОНИ ОСТАЛИСЬ ВЕЧНО.

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

— ◆ КНИГА 1 ◆ —
ТЕНЬ «МОРСКОГО СОКОЛА»

АВТОР:

АЗРЕТ ЗЕУШЕВ

Азрет Зеушев

**Последний маршрут. Книга
1: Тень «Морского сокола»**

«Автор»

2026

Зеушев А.

Последний маршрут. Книга 1: Тень «Морского сокола» /
А. Зеушев — «Автор», 2026

1884 год. 19-летний Александр Воронов нанимается матросом на торговый барк «Морской сокол». У него нет денег и связей, но есть причина: его отец, морской офицер, бесследно исчез пятнадцать лет назад — и след ведёт именно на этот корабль. В первое же утро Александр находит в трюме безбилетную пассажирку. Анна утверждает, что «Морской сокол» проклят. Её отец плавал на нём два года назад и умер через месяц после возвращения, бормоча о тенях, поднимающихся из глубины, и об острове, которого нет ни на одной карте. Капитан Блэквуд носит с собой карманные часы и чужие секреты. Он знает об Александре больше, чем говорит. А таинственный пассажир Виктор Рейвен, появившийся на борту без объяснений, с улыбкой сообщает, что был знаком с отцом Александра. Когда на борту находят карту неизвестного острова и записку «Не доверяй капитану», Александр понимает: этот рейс — не торговый. И назад могут вернуться не все. Морские приключения, детектив и мистика в духе классического романа XIX века.

© Зеушев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Глава 1. Работа на краю света	6
Глава 2. Лишний пассажир	10
Глава 3. Первый шторм	14
Глава 4. Слова утопающего	18
Глава 5. Кусок карты	21
Глава 6. Обыск	26
Глава 7. Человек со шрамом	29
Глава 8. Дневник из трюма	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Азрет Зеушев

Последний маршрут. Книга 1: Тень «Морского сокола»

Оглавление

Книга 1. Тень «Морского сокола»

- Глава 1. Работа на краю света
- Глава 2. Лишний пассажир
- Глава 3. Первый шторм
- Глава 4. Слова утопающего
- Глава 5. Кусок карты
- Глава 6. Обыск
- Глава 7. Человек со шрамом
- Глава 8. Дневник из трюма
- Глава 9. Белая пелена
- Глава 10. Корабль без имени
- Глава 11. Свежие следы
- Глава 12. Нож в спину
- Глава 13. Бунт
- Глава 14. Исчезновение
- Глава 15. Выстрел в темноте
- Глава 16. Абордаж
- Глава 17. Не золото
- Глава 18. Земля за гранью карт
- Глава 19. Запрет капитана
- Глава 20. Берег теней
- Глава 21. Скелет в лагере
- Глава 22. Железный ящик
- Глава 23. Ловушка
- Глава 24. Признание Блэквуда
- Глава 25. Погоня за истиной
- Глава 26. Один в море
- Глава 27. Последний бой
- Глава 28. То, что скрывала бездна
- Глава 29. Цена правды
- Глава 30. Новый курс

Глава 1. Работа на краю света

Порт Грейвсенда встретил Александра запахом гниющих водорослей и угольного дыма. Солнце ещё не поднялось над морем, но причалы уже гудели от скрипа лебёдок, криков грузчиков и хлопков парусины. Чайки дрались над рыбными рядами. Где-то бил колокол — размеренно, как сердце огромного зверя, которым был порт.

Александр стоял у края причала, засунув руки в карманы потёртого пальто, и смотрел на корабли. Он искал один.

«Морской сокол».

Он узнал его сразу. Трёхмачтовый барк с облупившейся краской на бортах и названием, выведенным выцветшей позолотой. Корабль был старым — лет тридцать, не меньше, — но стоял на воде уверенно, как человек, который давно перестал кому-то что-то доказывать.

— Чего вылупился? — окликнули его с палубы.

На борт опирался мужчина лет тридцати, в закатанных до локтей рукавах, с татуировкой якоря на предплечье. Лицо обветренное, глаза прищурены.

— Работу ищу, — ответил Александр.

— Все ищут.

— Я матрос.

— Судя по пальто, ты портовый попрошайка.

Александр скинул пальто и бросил его на причал. Под ним была простая, но чистая рубашка и жилет — всё, что осталось от прежней жизни.

— Пальто не моё, — сказал он. — Взял у одного, кому оно уже не понадобилось.

Матрос хмыкнул. Потом кивнул на сходни:

— Капитан в каюте. Скажешь, Маккензи пропустил. Но если врёшь про матроса — вылетешь обратно быстрее, чем скажешь «шкот».

Александр уже поставил ногу на сходни, когда за спиной раздался женский голос:

— Подождите.

Он обернулся.

По причалу шла девушка. Лет восемнадцати, может, чуть старше. Тёмное платье, слишком строгое для её возраста. Волосы убраны под шляпку, но одна прядь выбилась и падала на

плечо — чёрная, блестящая на солнце. Лицо бледное, с острыми скулами. Глаза тёмные, почти чёрные, смотрели прямо, без тени смущения.

— Вы нанимаетесь на «Морской сокол»? — спросила она, останавливаясь в нескольких шагах.

— Допустим, — ответил Александр.

— Не делайте этого.

Маккензи, всё ещё стоявший у борта, хмыкнул громче:

— Анна, опять ты. Сколько раз говорить — не пугай новичков.

Девушка даже не взглянула на него. Она смотрела только на Александра.

— Этот корабль проклят, — сказала она тихо. — Мой отец плавал на нём два года назад. Вернулся седым за одну ночь. А через месяц умер. Перед смертью говорил о тени. О тени, которая поднимается из воды, когда луна стоит высоко.

Александр почувствовал холодок между лопаток. Не от слов — от того, как она их произнесла. Без истерики, без желания напугать. Просто сообщила факт.

— Сожалею о вашем отце, — сказал он. — Но мне нужна работа.

— Работу можно найти на другом корабле.

— Мне нужен этот.

Она помолчала, разглядывая его. Потом едва заметно кивнула — будто согласилась с чем-то, чего он сам ещё не понимал.

— Тогда запомните одну вещь, — сказала она. — Когда увидите тень в воде — не смотрите на неё больше трёх секунд. Отвернитесь и уйдите с палубы. Особенно в полнолуние.

Она повернулась и пошла прочь. Юбка зашуршала по доскам причала. Александр проводил её взглядом.

— Не бери в голову, — сказал Маккензи. — Анна — дочь покойного штурмана с «Сокола». Помешалась после смерти отца. Ходит по причалам, предупреждает всех подряд. Никто её уже не слушает.

Александр ничего не ответил. Что-то в её глазах говорило: она не сумасшедшая.

Он поднялся на борт.

Палуба была выскоблена до светлого дерева. Снасти уложены ровными бухтами. Медные детали начищены. В воздухе пахло дёгтем и солью. Порядок. Железный порядок, который держит корабль на плаву даже тогда, когда всё остальное идёт ко дну.

Капитан сидел в кормовой каюте за столом, заваленным бумагами. Седые волосы зачёсаны назад. На левой щеке — старый шрам, наискосок, от скулы до угла рта. На столе перед ним лежали карманные часы. Серебряные, с выгравированным якорем на крышке.

— Александр Воронов, — представился он.

Капитан поднял глаза. Серые, как зимнее море. Ничего не выражали.

— Воронов? — переспросил он.

— Да. Моя семья...

— Я знаю, кто такие Вороновы, — перебил капитан.

Пауза. Долгая. Александр вдруг понял, что капитан смотрит не на него, а куда-то сквозь — в прошлое, которое было только им двоим известно разными концами.

— Выходим завтра на рассвете, — сказал капитан. — Покажешь Маккензи, как вяжешь узлы. Если не соврал — останешься.

— А если соврал?

— Тогда спрыгнешь по пути. Вода холодная, но отрезвляет.

Остаток дня Александр провёл на палубе. Маккензи гонял его по узлам. Беседочный. Прямой. Шкотовый. Удавка. Он вязал их с закрытыми глазами — отец научил ещё в детстве, до того, как ушёл в тот последний рейс.

Вечером он стоял у борта и смотрел на город. Огни Грейвсенда мерцали в сгущающейся темноте. Где-то там, за этими огнями, осталась его прежняя жизнь. Нищая. Пустая. Без ответов.

Он уже собирался спускаться в кубрик, когда услышал шаги за спиной.

Обернулся.

Никого. Только ветер шевелил снасти.

И вдруг он увидел это.

Метрах в двадцати от корабля, в чёрной воде, что-то двигалось. Не волна. Не отражение луны. Силуэт. Огромный, длинный, извивающийся под поверхностью. Сначала Александр подумал — кит. Но киты не движутся так. Слишком плавно. Слишком... осмысленно.

Силуэт на мгновение поднялся ближе к поверхности, и ему показалось, что он видит глаз. Огромный, бледный, как у мертворождённого зверя.

Три секунды, сказала Анна. Не смотреть больше трёх секунд.

Он считал: раз, два, три.

На четвёртой секунде тень в воде повернулась и пошла прямо к кораблю.

Александр отшатнулся от борта. Сердце заколотилось где-то в горле. Он развернулся и быстро, почти бегом, спустился в кубрик.

Ночью он проснулся от того, что кто-то ходил по палубе.

Шаги были осторожными, почти неслышными. Скрипнула доска. Потом ещё одна.

Он поднялся с койки и выглянул в коридор. Темнота. Фонарь у входа не горел.

Поднялся по трапу.

У фальшборта, у самого носа, кто-то стоял.

Фигура в тёмном плаще. Не из команды — Александр уже запомнил лица. Этот был чужой. И стоял он так, будто имел полное право здесь находиться.

Человек повернулся, и в свете луны блеснули глаза — слишком светлые, почти прозрачные. Секунда — и он перешагнул через борт, исчез в темноте.

Ни шагов по причалу. Ни всплеска воды. Ничего.

На палубе, у мачты, лежал свёрток. Обрывок парусины, перетянутый бечёвкой.

Александр поднял его и сунул под рубаху. Вернулся в кубрик. Лёг, прислушиваясь к дыханию спящих матросов.

В свёртке что-то лежало. Что-то твёрдое. Он не знал, что именно. Но по спине разливался холод уверенности: это связано с отцом. И с тем, что плавает в глубине под кораблём.

Завтра на рассвете они выходят в море.

Глава 2. Лишний пассажир

Рассвет застал «Морской сокол» уже в открытом море. Берег растаял в дымке за кормой, и теперь вокруг простиралась только вода — серая, холодная, дышащая глубокими вздохами волн.

Александр стоял на палубе вместе с остальными матросами, выстроенными для утренней переклички. Капитан Блэквуд не вышел — вместо него командовал боцман, пожилой ирландец по фамилии О'Коннелл, от которого ещё до завтрака разило ромом. Впрочем, нюх у него был собачий, а кулаки — как две корабельные пушки. Матросы за глаза звали его просто Ром.

— Слушай сюда, — прорычал он, прохаживаясь вдоль строя. — У нас двадцать три человека на борту. Капитан, я, кок, плотник, парусный мастер, восемь матросов, пять юнг и вы, салаги новонабранные. Плюс груз в трюме, идущий в Лиссабон. Плюс крысы, которых я лично считаю членами экипажа, потому что они хотя бы не задают глупых вопросов.

Он остановился напротив Александра.

— Воронов. Ты вчера нормально показал себя на узлах. Но море — не верёвочки вязать. Если начнётся шторм, ты будешь работать, пока руки не сотрёшь до костей. Если кто-то упадёт за борт — будешь прыгать за ним, даже если вода ледяная. Понял?

— Понял.

— Хорошо. Тогда первое задание: иди в трюм, проверь крепление груза. Там четыре ящика у левого борта. Пересчитай, доложишь.

Трюм встретил его запахом плесени, смолы и старого дерева. Здесь было темно, только через решётку люка пробивался слабый свет. Ящики стояли у левого борта — четыре штуки, тяжёлые, сколоченные на совесть. Александр пересчитал их, уже собирался подниматься, когда услышал звук.

Дыхание.

Кто-то дышал в темноте. Медленно. Стараясь не шуметь.

Он замер. Рука сама потянулась к поясу, где висел нож — простой рыбацкий, но острый.

— Кто здесь? — спросил он в темноту.

Ответа не было. Только тишина. Густая, как патока.

Александр шагнул вперёд, вглядываясь в груды старой парусины, наваленной у кормовой переборки. И заметил движение. Край парусины едва заметно дрогнул.

Он рванул ткань в сторону.

На него смотрели два испуганных глаза. Женских. Тёмных, почти чёрных.

Анна.

— Какого чёрта? — выдохнул он.

Девушка сидела, прижавшись спиной к переборке. Одетая была всё в то же тёмное платье, только теперь без шляпки. Волосы рассыпались по плечам. Она дрожала — то ли от холода, то ли от страха, то ли от того и другого сразу.

— Вы? — только и смог сказать Александр.

— Тише, — прошептала она. — Пожалуйста. Не выдавайте меня.

— Вы вообще понимаете, что будет, если вас найдут? Это не пассажирский корабль. За безбилетника капитан может выпороть. Или посадить на первом же берегу. Или...

— Или убить, — спокойно закончила она. — Я знаю.

В её голосе не было истерики. Только усталая решимость человека, который давно перешёл черту страха.

— Зачем вы здесь? — спросил он.

— Потому что этот корабль идёт туда, куда я должна попасть.

— В Лиссабон?

— Нет. Гораздо дальше.

Она посмотрела ему прямо в глаза. И в этом взгляде Александр увидел то же, что чувствовал сам. Одержимость. Желание докопаться до правды, какой бы страшной она ни была.

— Ваш отец, — сказал он. — Вы сказали, он плавал на «Соколе». И умер через месяц после возвращения. Что он рассказал перед смертью?

Анна помедлила. Потом заговорила, и голос её звучал глухо, как колокол под водой:

— Он сказал, что они нашли место, которого нет на картах. Остров. Но не обычный остров, а будто кусок другого мира. Там были руины. Нечеловеческие. И твари в воде вокруг острова. Огромные. Они не нападали, просто ждали. Как стража. Отец сказал, что капитан приказал никому не рассказывать об увиденном. Но он не смог молчать. И через месяц умер. Врач сказал — сердце. Но я видела его лицо в последнюю ночь. Это был не сердечный приступ. Это был ужас. Чистый, ледяной ужас, который убил его изнутри.

Александр слушал, и по спине у него полз холод.

— Почему вы идёте туда? — спросил он. — Если ваш отец умер от одного воспоминания?

— Потому что я должна знать, — ответила она. — И потому что вы тоже идёте туда. Я видела ваше лицо, когда вы поднимались на борт. Вы ищете отца. А мой отец знал вашего. Они плавали вместе.

Мир на секунду качнулся. Александр схватился за переборку.

— Откуда вы знаете?

— Фамилия. Воронов. Отец упоминал это имя. Он говорил, что на «Соколе» двадцать лет назад случилось что-то, после чего один офицер пропал без вести. Его фамилия была Воронов.

В голове зашумело. Двадцать лет назад. Экспедиция. Исчезновение. Значит, «Морской сокол» был тем самым кораблём? Или одним из них?

— Вы должны помочь мне спрятаться, — сказала Анна. — Хотя бы на день. Когда мы будем далеко от берега, капитану будет проще оставить меня на борту, чем разворачивать корабль.

— Вы не знаете Блэквуда, — покачал головой Александр. — Он не из тех, кто прощает.

— Зато вы знаете, — сказала она. — И вы ему зачем-то нужны. Я видела, как он на вас смотрел на палубе. Он вас ждал.

Прежде чем Александр успел ответить, наверху раздались шаги. Кто-то спускался в трюм.

— Прячьтесь, — прошептал он, набрасывая парусину обратно. — Ночью я принесу еду.

— Спасибо, — едва слышно ответила она.

В трюм спустился Маккензи. Он был хмур, между бровей залегла складка.

— Воронов. Капитан зовёт. Немедленно.

— Что случилось?

— Сам увидишь.

Капитан ждал его в каюте. Но не один. Рядом с ним стоял человек, которого Александр раньше на борту не видел. Высокий, широкоплечий. Одет не как матрос — скорее как человек, у которого деньги водятся, но он не хочет это афишировать. Лицо обветренное, на правой скуле — старый ожог. Глаза светлые, почти прозрачные.

Александр замер.

Те самые глаза. Вчерашняя фигура в плаще. Человек, который исчез в темноте.

— Это мистер Рейвен, — сказал капитан. Голос его звучал ровно, но Александр заметил, как пальцы Блэквуда едва заметно сжались на крышке карманных часов. — Он пассажир. Идёт с нами до Лиссабона. Ты будешь помогать ему, если потребуется.

Рейвен улыбнулся. Улыбка вышла приятной, почти дружеской. Но что-то в ней было не так. Слишком много зубов.

— Александр Воронов, — произнёс он, растягивая слова. — Сын Константина Воронова. Надо же. Я знал вашего отца. Хороший был офицер. Жаль, что так вышло.

Александр сжал кулаки.

— Что вы знаете о моём отце?

— Больше, чем вы можете представить. Но всему своё время. Пока что — добро пожаловать на борт, юноша. Надеюсь, плавание будет спокойным.

Он снова улыбнулся.

За окном каюты, в серой дали океана, что-то мелькнуло под водой. Огромное. Длинное. И исчезло.

Никто, кроме Александра, этого не заметил. Но он знал: плавание спокойным не будет. Оно будет смертельным.

Глава 3. Первый шторм

К вечеру второго дня небо изменило цвет.

Сначала оно стало желтоватым на западе — неестественным, больным. Потом горизонт затянуло серой пеленой, и волны начали расти. Не постепенно, как обычно, а резко, будто кто-то разбудил океан ударом в дно.

Боцман О'Коннелл первым почувал неладное. Он вышел на палубу без своей обычной кружки и долго стоял, глядя в горизонт. Его обветренное лицо ничего не выражало, но пальцы правой руки нервно теребили край куртки.

— Шторм, — сказал он негромко. — И не простой.

Александр стоял у грот-мачты. Он тоже смотрел на запад и чувствовал, как внутри поднимается холодная волна страха. Не того страха, что заставляет бежать, а того, что заставляет замереть и ждать.

— Всем на палубу! — рявкнул О'Коннелл. — Убрать паруса! Живо, пока нас не перевернуло!

Команда бросилась выполнять приказ. Матросы карабкались по вантам, отвязывали шкоты, сворачивали тяжёлую мокрую парусину. Ветер уже рвал её из рук, хлестал по лицу солёными брызгами.

Александр работал вместе со всеми. Руки скользили по мокрым канатам, мышцы ныли от напряжения, но он не останавливался ни на секунду. Рядом трудился молодой рыжий парень — тот самый, что улыбался при знакомстве. Теперь он не улыбался. Его звали Томас, ему было семнадцать, и это был его третий рейс.

— Первый шторм? — крикнул он Александру сквозь ветер.

— Первый такой!

— Держись крепче! Если смует — назад уже не вытащат!

Небо раскололось. Молния ударила так близко, что Александр на секунду ослеп, а в воздухе запахло горелым железом. Гром прокатился по волнам, как пушечный залп.

И тогда пошёл дождь. Не каплями — стеной.

«Морской сокол» накренился на левый борт. Палуба ушла из-под ног. Кто-то закричал. Александр вцепился в леер, чувствуя, как тело бьётся о мокрое дерево. Рядом пролетело ведро, сорванное с крюка, и исчезло за бортом.

— Держать курс! — раздался голос капитана.

Блэквуд стоял на шканцах, вцепившись в поручень одной рукой. В другой он сжимал свои карманные часы — серебряные, с якорем на крышке. Ветер рвал его седые волосы, дождь хлестал по лицу, но он стоял прямо, как вкопанный. Александр поймал себя на мысли, что капитан выглядит не испуганным, а сосредоточенным. Слишком сосредоточенным. Будто ждал этого шторма.

— О'Коннелл! — крикнул Блэквуд. — Сколько ещё?

— Десять минут, капитан! Может, пятнадцать! Если продержимся!

— Продержимся.

Следующая волна ударила в борт с такой силой, что корабль застонал. Где-то внизу, в трюме, что-то сорвалось с креплений и покатилося с грохотом. Александр подумал об Анне. Она всё ещё пряталась там, среди ящиков и парусины. Если волна перевернёт груз...

Он развернулся и, цепляясь за всё подряд, начал пробираться к люку.

— Воронов! Куда?! — заорал Маккензи. — Стой!

Александр не остановился. Он спрыгнул в люк, едва не сломав ногу, и оказался в полутьме трюма. Вода уже просачивалась сквозь обшивку, собиралась лужами на дне.

— Анна!

Ответа не было. Только скрип дерева и грохот незакреплённого груза.

Он пробрался к кормовой переборке, откинул мокрую парусину. Анна сидела, прижав колени к груди. Глаза широко открыты, губы дрожат. Но она не кричала. Просто смотрела перед собой, как человек, который уже однажды пережил худшее и знает: крик не помогает.

— Держитесь за меня! — сказал он, протягивая руку. — Здесь небезопасно. Если ящики сорвутся...

Она схватила его за руку. Пальцы у неё были ледяные.

— Я не боюсь шторма, — сказала она, перекрикивая шум. — Я боюсь того, что приходит после.

— Что вы имеете в виду?

— Отец говорил: когда начинается такой шторм, они поднимаются ближе к поверхности. Те, кто живёт в глубине. Будто буря их притягивает.

Александр вспомнил тень в воде. Глаз — бледный, огромный, разумный.

— Выбираемся отсюда, — сказал он. — Сейчас.

Они уже поднимались по трапу, когда корабль содрогнулся снова. Не от волны — от чего-то другого. Удар был глухим, тяжёлым, будто что-то огромное коснулось днища и тут же ушло в сторону.

Анна замерла. Её лицо побелело.

— Оно здесь, — прошептала она.

Наверху, на палубе, раздался крик. Не от боли — от ужаса. Так кричат люди, которые увидели то, чего не может быть.

Александр рванулся вверх. Выбрался на палубу под проливной дождь. И застыл.

В десяти метрах от правого борта из воды поднималось нечто.

Огромное. Чёрное. Гладкое, как китовая спина, но изрезанное глубокими шрамами, светящимися тусклым синеватым светом. Оно поднималось и поднималось, пока не стало ясно: это не спина. Это часть головы. Или того, что у твари было вместо головы.

Матросы замерли. Кто-то шептал молитву. О'Коннелл стоял с открытым ртом, забыв про свою кружку. Даже Блэквуд на мгновение застыл, и только пальцы его продолжали сжимать крышку часов.

А потом тварь открыла глаз.

Он был один. Огромный, метра два в диаметре. Бледный, как у мертвеца, с вертикальным зрачком, который медленно расширялся, вбирая в себя свет молний. В этом глазу не было ярости. Не было голода. Было узнавание.

Оно смотрело на «Морской сокол» так, будто ждало этот корабль много лет.

А потом тварь ушла вниз. Без всплеска, без волны. Просто исчезла, как не было.

Шторм начал стихать так же внезапно, как начался. Ветер ослаб. Дождь превратился в морось. Волны улеглись, и только небо ещё клубилось тучами, подсвеченными далёкими молниями.

На палубе стояла тишина. Люди смотрели друг на друга, не в силах произнести ни слова. Первым заговорил Маккензи. Голос его дрожал.

— Капитан... что это было?

Блэквуд медленно опустил часы в карман. Его лицо оставалось спокойным, но Александр заметил, как побелели костяшки пальцев.

— Морское животное, — сказал он. — Редкое. Больше ничего.

— Морское животное не смотрит так, — тихо сказал кто-то из матросов.

Капитан не ответил. Он развернулся и пошёл в каюту.

Александр стоял у борта и смотрел в воду. Она снова была чёрной и спокойной. Никаких теней. Никаких глаз. Но он знал: оно вернётся. Возможно, следующей ночью. Возможно, в полнолуние — как говорила Анна.

Сзади подошла Анна. Она выбралась на палубу, хотя всё ещё пряталась в тени надстройки.

— Вы видели? — спросила она.

— Да.

— Теперь вы понимаете?

Александр кивнул. Он понимал. И ещё он понимал, что капитан Блэквуд только что солгал всей команде. И сделал это намеренно.

Где-то в темноте, на нижней палубе, раздался крик. Настоящий — полный боли и ужаса.

Александр и Анна бросились вниз.

В кубрике, у самой переборки, лежал матрос по фамилии Грир. Тот самый угрюмый здоровяк с обрубленным ухом. Он был мёртв. Глаза открыты. Рот искривлён в беззвучном крике. А на груди, прямо на рубахе, расплывалось тёмное пятно.

Но не крови.

Чернил. Или чего-то, похожего на чернила. Густая чёрная жидкость, которая пахла не железом, а солью. Морской солью. И ещё чем-то древним, что Александр не мог опознать.

Рядом с телом лежал обрывок бумаги. На нём корявым почерком было написано всего одно слово:

«Молчите».

— Оно было здесь, — прошептала Анна. — Оно может выходить из воды. И оно не хочет, чтобы мы говорили.

Александр поднял обрывок. Бумага была мокрой. Но не от дождя — от той самой чёрной жидкости, что растеклась по груди мёртвого матроса.

Сверху слышались шаги. В кубрик спускался капитан.

Глава 4. Слова утопающего

Капитан Блэквуд спустился в кубрик и остановился у тела. Несколько секунд он просто смотрел на мёртвого матроса. Лицо его оставалось неподвижным, только желваки на скулах обозначились резче.

За его спиной столпились остальные. Маккензи, О'Коннелл, рыжий Томас, ещё трое матросов. Анна стояла в тени, у самого трапа, и Александр заметил, как она медленно отступила ещё на шаг — так, чтобы капитан её не увидел.

— Всем отойти от тела, — приказал Блэквуд.

Он присел на корточки и осмотрел рану. Вернее, её отсутствие. Александр тоже это заметил: на груди Грира не было пореза, прокола, следа от удара. Только чёрная жидкость, которая уже начинала засыхать, стягивая кожу тонкой коркой.

— Это не кровь, — сказал Маккензи. Голос у него был сиплый.

— Я вижу, — ответил капитан.

Он поднял обрывок бумаги, который Александр положил рядом с телом. Прочитал слово «Молчите». Потом поднёс бумагу к носу, понюхал и сунул в карман.

— Кто нашёл тело?

— Мы с Анной, — сказал Александр.

Капитан перевёл взгляд на Анну. Она не шелохнулась. Только подбородок подняла выше.

— Вы не член экипажа, — сказал Блэквуд. — Как вы оказались на борту?

— Я спряталась в трюме, — ответила она спокойно. — Вы можете наказать меня позже, капитан. Сейчас важнее то, что убило этого человека.

О'Коннелл крикнул. Кто-то из матросов пробормотал проклятие. Блэквуд помолчал, потом кивнул — будто согласился с тем, что Анна права, пусть и нарушила правила.

— Грир был на палубе во время шторма, — сказал Маккензи. — Я видел его. Он работал с грот-брасом. Потом, когда... когда появилась эта тварь, он спустился вниз. Сказал, что у него разболелась голова.

— Кто-нибудь был с ним в кубрике? — спросил капитан.

Тишина. Матросы переглядывались.

— Никого, — ответил Томас. — Мы все были наверху. Грир спустился один.

Александр смотрел на мёртвое лицо. Обрубленное ухо, грубые черты, вечная щетина на подбородке. Грир не был приятным человеком — он почти не разговаривал, а когда открывал рот, то обычно чтобы кого-то послать к дьяволу. Но он не заслужил такой смерти. Никто не заслуживает умереть от того, что пахнет солью и оставляет на коже чёрные разводы.

— Капитан, — тихо сказал О'Коннелл. — Вы знаете, что это. Скажите команде.

Блэквуд медленно поднялся. Расправил плечи. В тусклом свете фонаря его шрам казался глубже, чем обычно.

— Я не знаю, что убило Грира, — сказал он. — Но я знаю, что такие смерти случались раньше.

— Когда? — спросил Маккензи.

— Двадцать лет назад. Во время экспедиции, о которой не принято говорить.

Александр почувствовал, как сердце пропустило удар. Двадцать лет назад. Экспедиция. Отец.

— Мы найдём того, кто это сделал, — продолжил капитан. — Но до тех пор — никто не ходит по одному. Даже в галюн. Только парами. Понятно?

Матросы закивали. Блэквуд повернулся к Александру и Анне.

— А вы двое — в мою каюту. Сейчас.

Каюта капитана была такой же, как в первый раз: заваленный бумагами стол, карты на стенах, запах табака и старого дерева. Часы с якорем лежали на столе. Блэквуд закрыл дверь и повернулся к ним.

— Мисс... как ваше имя?

— Анна Хейз. Моя фамилия была Хейз. Отец — Уильям Хейз, штурман этого корабля два года назад.

— Помню его, — кивнул Блэквуд. — Хороший был штурман. И хороший человек. Я сожалею о его смерти.

— Я тоже, — сказала Анна. — Но я здесь не для того, чтобы принимать соболезнования. Я здесь, чтобы узнать, почему он умер. И почему вы ничего не сделали, чтобы его спасти.

Повисла тишина. Александр смотрел то на Анну, то на капитана. Напряжение между ними было почти осязаемым.

— Я пытался, — сказал Блэквуд. Голос его дрогнул впервые. — Ваш отец был одним из немногих, кому я доверял. Когда он начал... угасать, я привёз лучшего врача. Я потратил свои деньги на лекарства. Но это было не то, что можно вылечить. Это было проклятие. Или что-то, что мы так называем за неимением другого слова.

— Проклятие? — переспросил Александр. — Вы верите в проклятия, капитан?

Блэквуд открыл крышку часов, посмотрел на циферблат, потом перевёл взгляд на Александра.

— Я видел вещи, которые не могу объяснить, — сказал он. — Я видел, как люди сходят с ума за одну ночь. Как они сидят в двадцать пять лет. Как они умирают без единой раны, а на коже остаются чёрные пятна, похожие на отпечатки пальцев. Только пальцы эти слишком длинные. И слишком тонкие. Нечеловеческие.

Анна вздрогнула. Александр сжал кулаки.

— Почему вы не рассказали команде? — спросил он.

— Потому что команда уже напугана. Если я скажу им, что на борту происходит то же, что двадцать лет назад, у них останется только один вопрос: кто следующий? И они начнут искать виноватого. А когда моряки ищут виноватого, они находят его. Обычно — не того, кто виноват на самом деле.

— Как мой отец? — спросил Александр.

Капитан замер. Его пальцы сжали часы так, что побелели костяшки.

— Твой отец, — медленно произнёс он, — не был виноват. Но он был тем, кто нашёл остров. И после этого всё пошло не так.

— Что пошло не так?

Блэквуд посмотрел ему прямо в глаза. И впервые Александр увидел в этом взгляде не холодную сдержанность, а глубокую, застарелую боль.

— Я расскажу тебе, — сказал капитан. — Но не сейчас. Сейчас у нас мёртвый матрос в кубрике, команда на грани бунта и пассажир, которого я не звал на борт. Мисс Хейз, вы можете остаться. Но с одним условием.

— Каким? — спросила Анна.

— Вы будете выполнять ту же работу, что и остальные. Никаких поблажек. Если вы едите корабельную еду — вы её отрабатываете.

— Я не боюсь работы.

— Тогда договорились.

Ночью Александра разбудил крик.

Он вскочил с койки, едва не ударившись головой о низкую переборку. Кричали на палубе. Снова. Как во время шторма.

Он взлетел по трапу и выбежал наверх.

На палубе, у левого борта, стояли трое матросов. Один из них — Томас — держал фонарь. Двое других — Маккензи и ещё один, постарше, по имени Флинн, — держали за руки кого-то мокрого, дрожащего, в разорванной одежде.

Человек был не из команды.

— Кто это? — спросил Александр.

— Вытащили из воды, — ответил Маккензи. — Прямо у борта. Волна принесла, что ли.

Человек поднял голову. Лицо у него было белое как мел, волосы прилипли ко лбу, а глаза... Глаза были совершенно безумными. Он посмотрел на Александра, потом на остальных и вдруг заговорил — быстро, захлёбываясь, будто боялся не успеть.

— Карта, — прохрипел он. — Карта у меня. Я знаю, где остров. Я должен... я должен передать...

— Какую карту? — спросил Маккензи.

Человек закашлялся. Из рта у него потекла вода — морская, с привкусом соли и чего-то ещё, тёмного.

— «Морской сокол»... — прошептал он. — Только «Сокол» может туда дойти. Только он. Но вы не должны... не должны доверять...

Он осёкся. Его тело выгнулось дугой, а потом обмякло.

Глаза закатились. Из рта выползла струйка той же чёрной жидкости, что была на груди у Грира.

— Он мёртв, — сказал Флинн и отшатнулся.

Маккензи выругался и начал обыскивать карманы утопленника. Через несколько секунд он вытащил что-то — сложенный в несколько раз листок плотной бумаги, пропитанный водой, но не размокший. Осторожно развернул.

Это была карта. Вернее, её половина. Обрывок с рваными краями, на котором виднелась часть береговой линии и несколько пометок — буквы, цифры, стрелка, указывающая куда-то за край.

Александр подошёл ближе. В свете фонаря он разглядел на карте надпись — мелко, почти неразборчиво.

«Остров Обречённых. Не приближаться».

И ниже, другим почерком:

«Воронов был прав».

— Это карта того самого острова? — спросил Томас.

Никто не ответил.

Из каюты вышел капитан. Он молча взял карту из рук Маккензи, посмотрел на неё. Лицо его оставалось спокойным, но Александр заметил, как дрогнули его пальцы.

— Это часть, — сказал Блэквуд. — Вторая половина утеряна.

— Кто этот человек? — спросил Маккензи.

— Я не знаю. Но он искал нас. Или ждал. Это не случайность.

Александр смотрел на карту, на слова «Воронов был прав», и в голове у него стучала одна мысль. Отец. Его отец знал об этом острове. Знал что-то важное. И теперь кто-то — или что-то — пытается довести эту карту до «Морского сокола».

Но зачем?

И главное — кто из команды работает на того, кто прислал утопленника?

Где-то внизу, под корпусом корабля, снова что-то шевельнулось. Огромное. Бесшумное. И ждущее.

Глава 5. Кусок карты

Утро началось с похорон.

Тело Грира зашили в старую парусину, привязали к ногам обломок чугунного балласта и положили на доску у фальшборта. Капитан Блэквуд прочитал короткую молитву — сухую, без лишних слов, как и всё, что он делал. Команда стояла молча, сняв шапки. Ветер трепал волосы, срывал с гребней волн белую пену.

— Он был хорошим матросом, — сказал Блэквуд. — Этого достаточно.

Доску наклонили. Тело соскользнуло в воду с глухим всплеском и тут же исчезло в серой глубине. Александр смотрел, как расходятся круги на воде, и думал о том, что Грир — только первый. Будут ещё. Обязательно будут.

После похорон команда разошлась по местам. Блэквуд задержал Александра на палубе.

— Зайди в мою каюту через полчаса. Нужно поговорить о карте.

— Есть, капитан.

Александр спустился в кубрик. Там было пусто — все работали наверху. Он сел на койку и достал из-под подушки свёрток, который подобрал на палубе в первую ночь. Тот самый, что оставил незнакомец в тёмном плаще.

Он до сих пор его не вскрыл. Сначала не было времени. Потом — не было возможности остаться одному. Теперь, в тишине опустевшего кубрика, он наконец развязал бечёвку.

Внутри лежали две вещи.

Первая — медный ключ. Тяжёлый, старинной работы, с бородкой сложной формы. Такими ключами запирают не двери, а сундуки или шкапулки. На головке была выгравирована буква «V». Или римская цифра «пять» — Александр не мог понять.

Вторая — сложенный листок бумаги. Пожелтевший, ветхий, с обтрёпанными краями. Он развернул его и замер.

Это была карта. Вернее, вторая половина той самой карты, которую нашли у утопленника. Линия разрыва совпадала идеально — Александр помнил её по вчерашнему обрывку. Здесь были изображены очертания острова целиком, координаты по краям и несколько пометок, сделанных разными почерками.

«Бухта Мертвеца. Не высаживаться».

«Здесь был лагерь. Все погибли».

«Маяк виден только в новолуние».

И в самом низу, под жирной чертой:

«К. Воронов».

Александр сидел, глядя на подпись отца, и чувствовал, как внутри что-то сжимается в тугой узел. Отец держал эту карту в руках. Возможно, он сам её чертил. И теперь она здесь, на «Морском соколе», пятнадцать лет спустя. Словно корабль сам притягивал к себе разорванные куски прошлого.

Он сложил карту и ключ обратно в свёрток, спрятал под рубаху и поднялся на палубу.

В каюте капитана пахло табаком. Блэквуд сидел за столом, а перед ним лежала первая половина карты — та, с телом утопленника. Рядом стоял Маккензи, скрестив руки на груди. Увидев Александра, он кивнул и закрыл дверь.

— Садись, — сказал капитан.

Александр сел.

— Ты знаешь, что это за карта?

— Догадываюсь.

— Это карта острова, который мы нашли двадцать лет назад. Твой отец был в той экспедиции. И не только он.

Блэквуд помолчал, глядя на часы, лежащие перед ним. Потом продолжил:

— Нас было двенадцать человек. Научная экспедиция под патронажем Адмиралтейства. Мы искали подводные течения, которые могли бы сократить торговые маршруты. Через три недели плавания мы наткнулись на остров, которого не было ни на одной карте. Небольшой, скалистый, покрытый густым лесом. Мы высадились.

— И что там было?

— Лагерь. Старый, заброшенный. Но не пустой. Мы нашли документы. Десятки документов. Отчёты других экспедиций, которые пропадали без вести. Списки имён. Люди, которые официально считались погибшими, — они были там. Жили на острове. Или что-то жило вместо них.

Блэквуд открыл часы, посмотрел на циферблат, снова закрыл.

— А потом мы нашли архив. Подземное помещение, вырубленное в скале. Там были ящики с документами. И карта. Та самая. На ней были отмечены другие острова. Десятки островов, которых не существует. Мы поняли, что нашли не просто землю. Мы нашли дверь.

— Дверь куда? — спросил Александр.

— Не знаю. Твой отец считал, что туда. — Он кивнул на карту. — На Остров Обречённых. Он говорил, что там находится что-то важное. Что-то, ради чего все эти экспедиции исчезали. Он хотел вернуться. Но Адмиралтейство закрыло проект. Все документы опечатали. Участникам приказали молчать.

— Но отец не замолчал.

— Нет. Он продолжил искать. И исчез. Через два года после экспедиции. Ушёл в море и не вернулся.

Александр молчал. В голове стучала кровь.

— Почему вы молчали пятнадцать лет?

— Потому что я был обязан. Присяга. Но теперь всё изменилось.

— Что изменилось?

Блэквуд взял со стола обрывок карты и протянул Александру.

— Это появилось у нас на борту. Утопленник передал. И я почти уверен, что вторая половина тоже где-то рядом. Кто-то хочет, чтобы мы нашли этот остров. И этот кто-то — не из Адмиралтейства.

— Рейвен, — сказал Александр.

Капитан посмотрел на него долгим взглядом.

— Возможно.

— Вы ему не доверяете.

— Я не доверяю никому, кто знает об острове больше меня. А он знает.

Маккензи, всё это время молча стоявший у двери, кашлянул.

— Капитан, я, конечно, не лезу в ваши дела, но команда напугана. Сначала Грир, потом этот утопленник. Люди шепчутся. Говорят, что корабль проклят.

— Корабль не проклят, — резко сказал Блэквуд. — Но на нём есть то, что ищут уже двадцать лет. И я не знаю, что именно.

Поздно вечером Александр нашёл Анну на корме. Она стояла, закутавшись в старую матросскую куртку, которую ей выдал О'Коннелл, и смотрела на закат. Солнце садилось в океан, окрашивая воду в цвет ржавчины.

— Вы часто так стоите? — спросил он.

— Каждый вечер. Это единственное время, когда мне не страшно.

Он встал рядом. Помолчал.

— Я нашёл вторую половину карты.

Она повернулась к нему. В тёмных глазах блеснул закатный свет.

— Где?

— Не важно. Важно, что на ней подпись моего отца. И ещё — надпись «Воронов был прав».

— Прав в чём?

— Не знаю. Но теперь у нас есть обе половины. Если я отдам вторую капитану...

— Не отдавайте, — сказала она быстро. — Пожалуйста. Пока не отдавайте.

— Почему?

— Потому что он скрывает больше, чем говорит. Мой отец говорил, что Блэквуд — единственный, кто вернулся из той экспедиции без изменений. Все остальные либо погибли, либо сошли с ума. А он — нет. Как вы думаете, почему?

Александр не ответил. Он думал о том же самом.

— Я пока не знаю, кому доверять, — сказал он наконец. — Но у меня есть ключ. И карта. И мне нужно понять, что с ними делать.

— Ключ?

Он достал из-под рубахи свёрток, развернул. Анна взяла медный ключ, повертела в пальцах.

— Буква «V», — сказала она. — Виктор. Рейвен.

— Думаете, это его ключ?

— Не знаю. Но совпадение странное.

Она вернула ключ. Их пальцы соприкоснулись. Анна не отдернула руку. Александр тоже.

— Вы думаете, мы доберёмся до этого острова? — спросила она тихо.

— Доберёмся. Потому что кто-то на этом корабле очень этого хочет.

— И что мы там найдём?

— Ответы. Или смерть.

— Или и то и другое.

Они стояли молча, пока солнце не скрылось за горизонтом. И когда над океаном сгустилась темнота, Александр снова увидел это.

Далеко, почти на границе видимости, что-то поднялось из воды. Огромное. Чёрное. И медленно, словно принимаясь, повернулось в сторону корабля.

Он не стал говорить Анне. Просто взял её за руку и отвёл от борта.

В кубрике, лёжа на койке, он снова развернул карту. Две половины, которые пока ещё лежали отдельно — одна у капитана, другая у него. Если их соединить, получится полный маршрут к Острову Обречённых.

Но что-то не давало ему уснуть. Какая-то мысль, которая крутилась в голове с того самого момента, как он увидел утопленника.

Он сел на койке.

Утопленник сказал: «Не доверяйте капитану».

Но он не сказал, кому тогда доверять.

И ещё: как человек, который только что утонул, мог говорить? Как он вообще оказался живым в воде — посреди открытого моря, в сотнях миль от берега?

Александр посмотрел на карту. Потом на ключ. Потом на тёмный иллюминатор, за которым плескалась бесконечная чёрная вода.

Он вдруг понял: утопленник был мёртв задолго до того, как его вытащили на борт. Кто-то — или что-то — говорило через него.

И это что-то хотело, чтобы «Морской сокол» нашёл остров.

Зачем? Этого он пока не знал. Но чувствовал: когда они доберутся до цели, будет уже поздно задавать вопросы.

Глава 6. Обыск

Александр проснулся от тишины.

Это была неправильная тишина. Корабль всегда звучал: скрип снастей, плеск волн о борт, шаги вахтенных на палубе, храп матросов в кубрике. Но сейчас не было ничего. Только глухая, ватная тишина, будто «Морской сокол» завис в пустоте.

Он сел на койке. В кубрике было темно. Фонарь у входа не горел, хотя обычно его оставляли на ночь. Александр прислушался. Тишина стояла такая плотная, что он слышал биение собственного сердца.

А потом раздался скрип. Не палубный — ближе. В коридоре, ведущем к каютам офицеров.

Кто-то шёл. Медленно. Осторожно. Останавливаясь через каждые несколько шагов.

Александр бесшумно спустил ноги на пол. Рука сама потянулась под подушку, где лежал свёрток с картой и ключом. На месте. Он выдохнул.

Шаги приближались. Теперь они звучали прямо за дверью кубрика. Александр замер, вглядываясь в темноту. Дверь была приоткрыта — узкая щель, через которую не проникало ни луча света. Но он чувствовал: там кто-то стоит. И этот кто-то смотрит внутрь.

Прошла минута. Может, две. Потом шаги начали удаляться — в сторону кормы, к каюте капитана.

Александр поднялся и, ступая босыми ногами по холодному дереву, подошёл к двери. Выглянул в коридор. Темно. Пусто. Только в дальнем конце, у капитанской каюты, мелькнул слабый отблеск — будто кто-то зажёл спичку и тут же погасил.

Он колебался не дольше секунды. Потом шагнул в коридор.

Дверь капитанской каюты была приоткрыта. Изнутри доносился тихий шорох — кто-то рылся в бумагах. Александр прижался к стене и заглянул в щель.

У стола, спиной к двери, стоял человек. Он перебирал документы, разворачивал свёртки, заглядывал в ящики. Двигался быстро, но без суеты — как профессионал, который точно знает, что ищет. В левой руке он держал фонарь с прикрученным фитилём — тот самый отблеск, что заметил Александр.

Человек повернулся вполоборота, и свет фонаря упал на его лицо.

Рейвен.

Александр отшатнулся. Сердце заколотилось. Вот оно. Тот самый «пассажир», который появился на борту без объяснений и знал имя его отца.

Рейвен выдвинул верхний ящик стола — тот самый, куда Блэквуд убрал первую половину карты. Александр видел это днём. Но сейчас ящик был пуст. Рейвен выругался сквозь зубы — тихо, почти неслышно. Потом закрыл ящик, осмотрел комнату ещё раз и двинулся к двери.

Александр едва успел отступить за угол. Рейвен вышел в коридор, постоял несколько секунд, прислушиваясь, а потом направился в другую сторону — к трапу, ведущему на палубу. Шаги его стихли.

Александр выждал ещё минуту, прежде чем войти в капитанскую каюту. Здесь всё было перевёрнуто. Бумаги разбросаны по полу. Ящики выдвинуты. Даже карты на стенах висели криво — Рейвен заглядывал и за них.

Но карты здесь не было. Блэквуд забрал её с собой. И Рейвен этого не знал.

Александр уже собирался уходить, когда заметил кое-что на полу. Там, где стоял Рейвен, темнело мокрое пятно. Он наклонился. Это была вода. Морская вода, смешанная с чем-то тёмным. Та самая чёрная жидкость, которую они видели на груди у Грира. И на губах утопленника.

Значит, Рейвен был связан с ними. С тенью в воде. С теми, кто послал утопленника.

— Что ты здесь делаешь?

Александр резко обернулся. В дверях стоял Маккензи. Он был без куртки, в одной рубашке, но в руке держал фонарь. Смотрел пристально, не мигая.

— Я слышал шум, — сказал Александр. — Кто-то был в каюте.

— Кто?

— Рейвен.

Маккензи вошёл, оглядел разгром. Потом перевёл взгляд на мокрое пятно на полу. Нагнулся, потрогал пальцем, понюхал.

— Та же дрянь, — сказал он. — Что на Грире.

— Вы знаете, что это?

— Нет. И не хочу знать.

Он выпрямился и посмотрел на Александра.

— Ты что-то скрываешь, Воронов. Я вижу. С первой минуты, как ты поднялся на борт.

— Ничего я не скрываю.

— Врёшь. — Маккензи шагнул ближе. — У тебя в глазах то же, что у капитана. Старая тайна, которая не даёт спать по ночам. Я таких повидал. Обычно они плохо кончают.

— Я просто хочу найти правду.

— Правда — опасная штука. Иногда лучше не знать.

— Мой отец знал. И исчез.

Маккензи помолчал. Потом кивнул каким-то своим мыслям.

— Ладно. Иди в кубрик. Я доложу капитану.

— А Рейвен?

— А что Рейвен? Он пассажир. Пока капитан не скажет иначе — он неприкосновенен. Но если он ещё раз сунется в капитанскую каюту, я лично выброшу его за борт. Пассажир он или нет.

Утром Александр рассказал обо всём Анне. Они стояли на носу, вдали от чужих ушей. Ветер трепал её волосы, она куталась в куртку и слушала, не перебивая.

— Рейвен — не человек, — сказала она, когда он закончил.

— В смысле?

— Я не знаю, кто он. Но он точно не просто охотник за сокровищами. Отец рассказывал, что во время экспедиции они подобрали в море человека. Он был один в шлюпке, посреди океана. Сказал, что его корабль затонул. Его взяли на борт. А через неделю начались смерти.

— Думаете, это Рейвен?

— Не знаю. Но если да, то ему больше сорока четырёх лет. Гораздо больше.

Александр вспомнил прозрачные глаза, холодную улыбку, мокрый след на полу каюты. Всё сходилось. Кроме одного: если Рейвен — не человек, то кто он? И зачем ему карта?

— Воронов!

Оклик раздался с палубы. Кричал Томас, рыжий юнга. Он бежал к ним, размахивая руками.

— Там... ваша каюта... её перевернули!

Они бросились в кубрик.

Койка Александра была разворочена. Матрас вспорот. Вещи разбросаны по полу. Кто-то обыскал всё, включая щели между досками обшивки. Но свёрток с картой и ключом Александр забрал с собой — и теперь он лежал у него под рубашкой, жёг кожу медным теплом.

— Что искали? — спросила Анна.

— Карту, — ответил Александр. — Рейвен знает, что вторая половина у кого-то из нас. И он не успокоится, пока не найдёт.

В кубрик вошёл О'Коннелл. Увидел разгром, выругался.

— Это уже слишком, — сказал он. — Сначала Грир. Потом утопленник. Теперь обыски. Надо сказать капитану.

— Он уже знает, — ответил Александр. — Его каюту тоже обыскали.

Боцман посмотрел на него долгим взглядом. Потом перевёл глаза на Анну.

— А ты что здесь делаешь? Тебя вообще быть на борту не должно.

— Я отрабатываю проезд, — ответила она спокойно. — И я видела достаточно, чтобы понимать: следующий труп будет не последним.

О'Коннелл хотел что-то сказать, но осёкся. Он тоже это понимал.

Вечером Александр сидел на койке и вертел в руках медный ключ. Буква «V» на головке тускло блестела в свете фонаря. Виктор. Или Victoria — но это вряд ли. Или что-то другое, чего он пока не знал.

В кубрик вошёл Маккензи. Вид у него был мрачный.

— Капитан хочет собрать команду. Будет разговор. Через десять минут на палубе.

— О чём?

— О том, кто из нас работает на врага.

Александр спрятал ключ под рубаху. Свёрток с картой лежал там же. Он чувствовал его тяжесть — не физическую, а какую-то другую. Тяжесть знания, которое могло стоить жизни.

На палубе собралась вся команда. Двадцать два человека — не считая Рейвена и Анны. Капитан стоял на шканцах, прямой как мачта. В руке он держал свои часы, но крышку не открывал.

— Сегодня ночью кто-то обыскал мою каюту, — начал он. — И каюту матроса Воронова. Этот кто-то искал карту. И я хочу знать: кто на борту передаёт информацию на сторону?

Тишина. Матросы переглядывались.

— Я не буду наказывать того, кто признается, — продолжил Блэквуд. — Но если я найду его сам — разговор будет короткий.

И снова тишина. Александр смотрел на лица: Томас — растерянный, испуганный мальчишка. О'Коннелл — мрачный, но спокойный. Маккензи — напряжённый, как струна. Флинн — тот самый матрос постарше, — невозмутимый, будто происходящее его не касалось. И ещё десяток лиц, которые Александр ещё не успел запомнить.

— Капитан, — раздался голос от трапа. — Позвольте мне.

Все обернулись. На палубу поднимался Рейвен. Он был в том же тёмном плаще, что и в первую ночь. Двигался плавно, почти лениво. Но в его светлых глазах горел холодный огонь.

— Я знаю, кто обыскивал каюты, — сказал он. — И я знаю, у кого вторая половина карты.

Александр похолодел. Рейвен повернулся и посмотрел прямо на него. И улыбнулся.

— Юный Воронов. Сын своего отца. Отдайте карту. Или то, что случилось с Гриром, покажется вам милосердием.

— Довольно! — резко сказал Блэквуд. — Вы забываетесь, мистер Рейвен. На этом корабле приказы отдаю я.

— Этот корабль, — ответил Рейвен, не оборачиваясь, — принадлежит не вам. И не Адмиралтейству. Он принадлежит тем, кто построил его тридцать лет назад для одной-единственной цели. И вы, капитан, прекрасно знаете, для какой.

Лицо Блэквуда побелело. Пальцы сжали часы так, что крышка открылась. По палубе разнёсся тихий звон — мелодия, которую играли часы, когда их заводили.

И в этот момент с моря донёсся звук.

Глубокий. Низкий. Протяжный. Не крик и не вой — скорее, вибрация, от которой задрожали доски палубы. Она шла из-под воды. Из глубины.

Все замерли.

— Вот видите, — сказал Рейвен почти ласково. — Оно уже здесь. И оно ждёт карту. Так что не заставляйте его ждать слишком долго.

Глава 7. Человек со шрамом

Звук из глубины повторился. На этот раз громче. Он шёл не через воздух — через палубу, через кости, через зубы. Александр чувствовал его всем телом, как чувствуют приближение грозы.

Матросы замерли. Томас вцепился в леер. О'Коннелл перекрестился — впервые за всё время, что Александр его знал. Даже Маккензи, обычно невозмутимый, побледнел и отступил на шаг.

Только Рейвен стоял спокойно. Его светлые глаза блестели в лунном свете, а на губах играла та же холодная улыбка.

— Что это? — выдохнул кто-то из матросов.

— Глубинный страж, — ответил Рейвен. — Один из тех, кто охраняет остров. Он чувствует карту. Вернее, её половину. И вторую половину тоже. — Он повернулся к Александру. — Они обе на борту. И страж знает это.

Блэквуд шагнул вперёд. Часы в его руке всё ещё звенели, но он, казалось, не замечал этого.

— Довольно. Мистер Рейвен, вы переходите все границы. Я требую объяснений.

— Объяснений? — Рейвен усмехнулся. — Извольте. Двадцать лет назад вы, капитан, были частью экспедиции, которая нашла нечто в этих водах. Вы думали, что это просто остров. Но это не остров. Это врата. И те, кто их построил, оставили стражей, чтобы никто не смог их открыть. Или закрыть — это с какой стороны посмотреть.

— Кто построил? — спросил Александр.

— А вот это правильный вопрос, юный Воронов. Ваш отец задал его первым. И запла-
тился.

— Мой отец жив?

Рейвен посмотрел на него — и впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. Не насмешка. Не угроза. Интерес.

— Это зависит от того, что вы считаете жизнью. Но если мы доберёмся до острова, вы сможете задать ему этот вопрос лично.

Александр почувствовал, как земля уходит из-под ног. Отец. Жив. Или не совсем жив. Но он там — на острове, которого нет на картах. Ждал пятнадцать лет. Или что-то ждало вместо него.

— Хватит! — Блэквуд захлопнул крышку часов. Мелодия оборвалась. — Команда — разойтись по местам. Мистер Рейвен — в свою каюту. Вы останетесь там до моего распоряжения.

— Вы не можете меня запереть, капитан.

— Могу. И запру. Маккензи, проводите.

Маккензи шагнул к Рейвену, но тот даже не шевельнулся. Только посмотрел на капитана долгим взглядом, а потом перевёл его на Александра.

— Карта у вас, — сказал он тихо. — Ключ у вас. Вы даже не представляете, что держите в руках. Но скоро представите.

Он повернулся и пошёл к трапу сам — без конвоя, без принуждения. Словно сам решил, что разговор окончен.

Когда его шаги стихли, Блэквуд повернулся к команде. Лицо его было серым, как штормовое небо.

— Всё, что вы слышали, останется между нами. Если кто-то хочет сойти на берег в ближайшем порту — я не держу. Но если вы остаётесь, вы должны понимать: этот рейс — не торговый. И возможно, мы не все вернёмся.

Тишина. Ветер свистел в снастях. Волны били о борт.

— Я остаюсь, — сказал Маккензи.

— Я тоже, — сказал Томас.

О'Коннелл кивнул. Потом Флинн. Потом все остальные — по одному, по двое. Никто не ушёл.

— Тогда готовьтесь, — сказал капитан. — Мы меняем курс. Идём к острову.

Ночью Александр не мог уснуть. Он лежал на койке и смотрел в тёмный потолок, прокручивая в голове слова Рейвена. Отец жив. Возможно. И он ждёт на острове. Пятнадцать лет. Но что значит «это зависит от того, что вы считаете жизнью»?

Скрипнула дверь.

Он повернул голову. В кубрик вошла Анна. Она двигалась бесшумно, как тень. Подошла к его койке и села на край.

— Вы тоже не спите? — прошептала она.

— Не могу.

— Я тоже. Думаю об отце. О том, что сказал Рейвен. Если ваш отец жив, то, может быть, и мой...

— Ваш отец умер у вас на руках.

— Да. Но что, если смерть там — не конец? Что, если остров может возвращать?

Александр сел. Их лица оказались совсем близко — ближе, чем он ожидал. Анна не отодвинулась.

— Вы верите Рейвену? — спросила она.

— Не знаю. Он что-то скрывает. Но он знает больше нас.

— Он опасен.

— Да. Но пока он нужен, чтобы добраться до острова. А дальше...

— Дальше мы сами.

Они замолчали. Где-то внизу, под килем, снова что-то шевельнулось — огромное, бесшумное. Но теперь этот звук не пугал. Он стал привычным. Как дыхание океана, которое всегда было рядом, просто раньше они его не слышали.

— Знаете, что сказал мой отец перед смертью? — тихо спросила Анна. — Он сказал: «Не бойся того, что в воде. Бойся того, что на борту».

— Он назвал кого-то?

— Нет. Но он смотрел на дверь. Будто ждал, что кто-то войдёт.

Александр вспомнил фигуру в плаще, которую видел в первую ночь. Рейвена. Или кого-то ещё? Может быть, на борту был не один чужак?

— Анна, — сказал он. — Вы помните человека, который стоял на палубе в ночь перед отплытием? Я видел его. Он был в плаще. А потом исчез.

— Я не видела. Но отец описывал похожего человека. Он говорил, что тот появляется каждый раз, когда корабль идёт к острову. Он называл его Хранителем.

— Хранителем чего?

— Не знаю. Но говорил, что Хранитель — не враг и не друг. Он — страж. Как те, в глубине. Только он может выходить на сушу.

Александр достал из-под рубахи медный ключ. Повертел в пальцах.

— Думаете, это его?

— Возможно. Буква «V» может означать что угодно. Но если ключ был в свёртке, который оставили на палубе, — его оставил Хранитель. А значит, он хочет, чтобы мы нашли замок.

— Замок от чего?

— От двери. Той самой, о которой говорил Рейвен.

Они снова замолчали. Анна сидела так близко, что он чувствовал тепло её плеча. В кубрике было темно, тихо, только дыхание спящих матросов нарушало тишину.

— Александр, — сказала она вдруг. — Если мы доберёмся до острова... если найдём вашего отца... что вы будете делать?

— Я верну его домой. Или узнаю, почему он не может вернуться.

— А если правда окажется страшнее, чем мы думаем?

Он посмотрел на неё.

— Тогда я хотя бы перестану гадать. Гадать хуже, чем знать. Гадание убивает медленно.

Она кивнула. Потом встала.

— Я пойду. Не хочу, чтобы нас увидели вместе. Капитан и так смотрит на меня как на лишнюю проблему.

— Капитан смотрит так на всех.

— Нет. На вас он смотрит иначе. Как на напоминание.

— О чём?

— О том, что он потерял. Или предал. Я ещё не поняла.

Она ушла так же бесшумно, как появилась. Александр остался один.

Он снова достал карту. Развернул. Света в кубрике не было, но он помнил каждую линию. Остров Обречённых. Бухта Мертвеца. Маяк, видимый только в новолуние. И подпись отца.

«К. Воронов».

«Воронов был прав».

Прав в чём?

Ответа не было. Но теперь у него был ключ. И карта. И враг на борту, который знал больше, чем говорил. И союзница, которой он начинал доверять. И воспоминание о прикосновении её плеча, которое почему-то не давало уснуть сильнее, чем все страхи вместе взятые.

На рассвете он снова вышел на палубу.

У штурвала стоял Флинн. Он был один — только вахтенный матрос у грот-мачты, который клевал носом. Александр подошёл к борту и посмотрел на воду.

Она была спокойной. Серой. Пустой.

Но у самого горизонта он заметил кое-что. Тонкую полоску, которая не была облаком. И не была землёй.

— Флинн, — позвал он. — Что это?

Старый матрос прищурился.

— Не знаю. Не похоже на берег. Может, мираж.

Но Александр знал: это не мираж. Это был корабль. Маленький, тёмный, без парусов. Он шёл прямо на них. И он не должен был находиться посреди океана, в сотнях миль от торговых путей.

— Поднять капитана, — сказал он. — Срочно.

Через несколько минут на палубу вышел Блэквуд с подзорной трубой. Он долго всматривался в горизонт. Потом опустил трубу, и Александр увидел его лицо.

— Что там? — спросил он.

— Шхуна, — ответил капитан. — Без флага. Без опознавательных знаков. И она не дрейфует. Она идёт. Против ветра.

— Этого не может быть.

— Может, — сказал Блэквуд. — Если это то, о чём я думаю.

— Что?

— Корабль-призрак. Такие встречались во время прошлой экспедиции. Они появляются перед тем, как увидеть остров. Как предупреждение. Или как приглашение. Никто не знает точно.

Александр смотрел на приближающуюся шхуну. Она двигалась беззвучно, без единого всплеска. И на её палубе, он мог поклясться, кто-то стоял.

Человек в плаще.

Тот самый. Из первой ночи.

Хранитель.

— Он здесь, — прошептал Александр. — Он вернулся.

И в этот момент ключ под рубахой стал тёплым. Не горячим — просто тёплым, как живое существо, которое узнало хозяина.

Глава 8. Дневник из трюма

Шхуна приближалась.

Она двигалась без парусов, без вёсел, без единого звука. Вода вокруг неё оставалась неподвижной, будто океан расступался, давая дорогу. Утренний туман цеплялся за её борта серыми ключьями, и в этом тумане фигура человека в плаще то появлялась, то исчезала, как мираж.

Блэквуд не опускал подзорную трубу. Его лицо оставалось спокойным, но Александр видел, как пальцы капитана сжимают медный корпус трубы — слишком сильно, до побелевших костяшек.

— Всем сохранять спокойствие, — приказал он. — Никаких выстрелов без моей команды.

— А если они нападут? — спросил Маккензи.

— Если бы они хотели напасть, мы бы уже горели.

Шхуна подошла ближе. Теперь её можно было разглядеть без трубы. Это был старый корабль — очень старый, с обшивкой, почерневшей от времени, и рваными остатками таке-лажа, свисавшими с рей, как волосы утопленника. На борту виднелось название, но прочитать его не удавалось — буквы стёрлись почти полностью.

— «Виктория», — произнесла Анна.

Александр обернулся. Она стояла в нескольких шагах, у трапа, и смотрела на шхуну широко раскрытыми глазами.

— Что?

— Название. Я вижу букву «V». Такую же, как на вашем ключе.

Он снова посмотрел на шхуну. На борту действительно темнела одинокая буква «V» — всё, что осталось от названия. «Виктория». Или что-то другое, начинавшееся на ту же букву.

Шхуна поравнялась с «Морским соколом» и остановилась. Полная тишина. Даже волны, казалось, замерли. А потом человек в плаще поднял руку. Медленно. Будто приветствуя.

И исчез.

Вместе с ним исчезла и шхуна. Просто растворилась в тумане, как не было. Остался только запах — соли, гнили и чего-то древнего, что Александр не мог опознать.

Несколько секунд на палубе стояла мёртвая тишина. Потом О'Коннелл выдохнул:

— Матерь Божья.

— Отставить разговоры, — резко сказал Блэквуд. — Это было предупреждение. Или приглашение. В любом случае, мы на верном пути. — Он повернулся к Маккензи. — Проверьте трюм. Пересчитайте груз. И найдите всё, чего там быть не должно.

— Думаете, там что-то есть?

— Я думаю, что Хранитель не появляется просто так. Если шхуна пришла сейчас, значит, на борту что-то изменилось. Найдите.

Маккензи взял с собой Александра и Томаса. Они спустились в трюм и начали методичный осмотр. Ящики, тюки, бочки с водой, запасные снасти — всё было на месте. Никаких следов.

— Пусто, — сказал Томас. — Может, капитан ошибся?

— Капитан редко ошибается, — ответил Маккензи. — Ищите дальше.

Александр прошёл к кормовой переборке — туда, где в первый день пряталась Анна. Здесь было темнее всего. Он провёл рукой по влажным доскам, и одна из них поддалась под пальцами.

— Здесь что-то есть.

Маккензи подошёл с фонарём. В переборке обнаружилась ниша — небольшая, аккуратно выпиленная, прикрытая куском парусины. Внутри лежал предмет, завернутый в промасленную ткань.

— Доставай, — сказал Маккензи.

Александр осторожно вытащил свёрток и развернул.

Это была книга. Старая, в кожаном переплёте, с пожелтевшими страницами и металлическими уголками, позеленевшими от времени. Дневник. На обложке — инициалы: «К. В.», вытесненные золотом, почти стёршимся.

— К. Воронов, — прошептал Александр.

Он открыл первую страницу. Почерк был отцовским — он узнал его по письмам, которые мать хранила в шкатулке до самой смерти. Твёрдый, с наклоном вправо, буквы тесные, будто пишущий боялся не успеть.

«Если вы читаете это, значит, «Морской сокол» снова вышел в море. Значит, Хранитель счёл вас достойными — или обречёнными. Я пишу эти строки в трюме, при свете фонаря, который гаснет. У меня мало времени. Но я должен оставить запись. Потому что нас предали. И я знаю — кто».

Александр перевернул страницу.

«Экспедиция 1864 года. Двенадцать человек. Мы нашли остров. Но остров нашёл нас. Там, под скалой, есть дверь. Она ведёт вниз. Глубоко. Мы спустились. И мы не все вернулись. Те, кто вернулся, изменились. Я видел их глаза. Это были не наши глаза».

— Что там? — спросил Маккензи.

— Подождите, — Александр листал дальше.

«Капитан Блэквуд говорит, что мы должны молчать. Он боится. Но страх — не оправдание. Я должен рассказать. Должен. Потому что то, что мы нашли, — не сокровище. Это оружие. И тот, кто его получит, сможет управлять не только морями. Он сможет управлять смертью».

Смертью. Александр перечитал слово дважды.

«Рейвен знает. Он был с нами. Он не тот, за кого себя выдаёт. Я проверил документы. Настоящий Виктор Рейвен умер в 1852 году в порту Саутгемптона. Тот, кто носит его имя сейчас, — самозванец. Или что-то худшее. Он говорит, что хочет открыть дверь. Но он лжёт. Он хочет её запереть навсегда. Потому что за ней — то, чего он боится больше смерти. А смерти он не боится вовсе».

Дальше страница была порвана. Следующая — в пятнах, похожих на кровь.

«Я спрятал ключ. Хранитель придёт за ним. Он — единственный, кому можно доверять. Он не человек и никогда им не был. Но он — единственный, кто хочет, чтобы правда вышла наружу. Не верьте Блэквуду. Не верьте никому, кто говорит, что тайну надо сохранить. Тайна убивает. Она убила моего друга. Она убьёт меня. Она убьёт всех, кто попытается её хранить».

Последняя запись. Буквы дрожащие, едва разборчивые.

«Александр. Если ты читаешь это — прости меня. Я не хотел оставлять тебя. Но я должен был вернуться. Я должен был закрыть дверь. Возможно, я уже мёртв. Возможно, я стал тем, кем не хотел становиться. В любом случае — не ищи меня. Беги. Беги с этого корабля, пока не поздно».

Александр закрыл дневник. Руки дрожали.

— Что там? — повторил Маккензи.

— Мой отец. Он был здесь. На этом корабле. Пятнадцать лет назад. — Александр поднял глаза. — И он пишет, что Рейвен — самозванец. Что настоящий Рейвен умер тридцать лет назад.

Маккензи выругался.

— Значит, он не тот, за кого себя выдаёт.

— Он вообще не человек, — сказал Александр. — Отец пишет, что он боится того, что за дверью. А смерти он не боится вовсе.

— Тот, кто не боится смерти, — медленно произнёс Маккензи, — либо сумасшедший, либо уже мёртвый.

— Либо третье.

— Какое?

— Он и есть смерть. Или что-то близкое к ней.

В кубрике они собрались втроём: Александр, Анна и Маккензи. Дневник лежал на койке. Анна читала его, водя пальцем по строкам, и лицо её становилось всё бледнее.

— Ваш отец пишет, что Хранитель — не человек, — сказала она. — И что ему можно доверять.

— Да. Но он также пишет, чтобы я бежал.

— Вы побежите?

— Нет.

— Я так и думала.

Маккензи покачал головой.

— Парень, твой отец был умным человеком. Если он говорит бежать — может, стоит послушать?

— Он говорит бежать, потому что боялся за меня. Но он сам пошёл обратно. Он не бежал. И я не побегу.

Маккензи вздохнул.

— Ладно. Но надо рассказать капитану. Дневник — это улика. И серьёзная.

— Не всё, — сказал Александр. — Пока не всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.